

Рина Рисункова

ЛЕДНИК

Рина Рисункова

Ледник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40522332

ISBN 9785449625199

Аннотация

«Ледник» – сборник из четырех рассказов, квадрология, объединенная общей идеей – что есть человек? Героиня первого рассказа пытается найти себя в блаженном, закрытом городе Мароуо, куда перебирается по счастливой случайности. В рассказе «Ледник» девушка и ее спутник отправляются на явную смерть, в напряженное путешествие на пароме на Край земли.

Содержание

Мароуо	5
Город	27
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Ледник

Рина Рисункова

Иллюстратор Рина Рисункова

© Рина Рисункова, 2019

© Рина Рисункова, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4496-2519-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мароуо

этот текст кусок говна. Это будто написано другим человеком. не моим братом. я покажу, что написал он и сравни с этим.

– Девушка, поздравляю вас! Обменять фишку на билет, сможете вон в той кассе.

Ботелый мужчина, в высокой шляпе, указал, куда мне следует пройти. Его хомбург расписан как царская палата великоустюгским художником. С наигранной веселостью, неохватный, приободрял проигравших, на которых ему, по большому счету, плевать.

Я подошла к кассе. Пришлось отстоять очередь. Проигравшие истерили – одни просили вернуть деньги, другие молили. Их доводы доходили до абсурда. Некоторые даже угрожали, но таких резвых, ражая охрана справляла по реке. Каждый обиженный думал, что был обманут и оказывался в безвыходном положении. На деле же – унижительном. Через 20 минут подошел мой черед. Кассир был уже во всю взвинчен. Я протиснула ему фишку, сказала, что хочу получить выигранный билет. Он потеплел, засиял и попросил паспорт. Сзади меня стояло еще человек десять.

Невероятно, я выиграла билет в Мароуо. Это самый красивый город на земле! Место, не знающее ни войн, ни рево-

люций, ни терроризма, ни голода, ни климатических раздражений. Это закрытый город, куда практически невозможно попасть. Чтобы получить визу в Калунну, нужен либо банковский счет с тремя миллионами, либо политический безупречный паспорт. И вот, у меня на руках билет и штамп с визой в паспорте.

– Мароуо – город удовольствий. Говорят, там несколько сотен водопадов и целые кварталы, построенные в воздухе! Примите мое сердечное поздравление!

Кассир наконец отпустил меня.

Видимо, все труха. Я еще не вышла из здания, как на меня набросились скупщики. Директории в голову не пришло бы оплачивать тур в Мароуо. Думаю, поэтому билет в одну сторону. Никто бы не полетел, страшно. Вот не знаю, зачем они только раструбили обо мне? На всех экранах мое фото. Как бы домой не заявили обозреватели. Как только им выкручиваться, если я не вернусь? Думаю, им и это на руку. Придумают чего.

Я шла вдоль сплошного морского зеленого забора. На разрисованном граффити, металлическом лавровом листе, были нацеплены одно за другим объявления купли/продажи, с выкупами и розысками. Я остановилась у одного, измазанного фекалиями. На листке был изображен весьма симпатичный подросток с домашним псиноподобным шмелем на плече. Когда был сделан этот снимок, никто даже не мог вообразить себе, что жестокая неожиданность в один день

поменяет счастье на скорбь. Под фотографией числились приметы мальчишки, в чем он был одет и приблизительное время когда он пропал. Желтым маркером поверх портрета и под испражнениями, подписано: «плевать». Двойное оскорбление. Тут тебе и грязная ненависть, и не ленивое использование маркера, и равнодушие. «Пропал четвертого апреля». Неделью назад. Я пошла дальше. Впереди меня, по дороге, разлетались камни, которые я пинала носком туфель. Подумать только, я, да в Мароуо! Потрясающе!

Я пытаюсь закрыть чемодан. Не выходит, слишком много вещей. У порога в комнату застыла мать.

– Ты же понимаешь, что билет только в одну сторону?

– Я понимаю, мама.

– И ты полетишь?

– Да.

Знаю ее, она хотела поговорить более энергично. Я нарочно не смотрела на нее. Только бы не встретиться с ее водянистыми глазами. Ну не могу я остаться с ней и бросить билет, наконец, мне нужно подумать и о себе.

– А как же ты там?

– Мам, прошу. Со мной все будет в порядке. Мы будем созваниваться каждый день.

– Но что ты будешь делать? Тебя же там не оставят. Тебе придётся вернуться, а как? Я не смогу заработать на обратный билет даже за всю жизнь.

– Мам, хватит. Я не знаю, собираюсь ли я возвращаться. Может найду там работу, или любовника. Кто знает, что будет дальше? Не хочу заглядывать так далеко. Мы обе не гадалки.

– Ты оставишь меня?

– А ты, хочешь оставить меня, здесь?

– Разве тебе здесь плохо? Продашь билет – и заживешь по другому.

– Не заживу, потому что не продам.

– Но как же Петре? Он такой хороший парень.

– Петре должен меня понять. К тому же, я и так постоянно в напряжении с его таблетками. Он экспериментирует не над собой – я его подопытный. Никогда не знаю, не потечет ли сегодня из его ушей удобрение и не зарастет ли завтра мхом. Мне надоело это постоянное, тревожное ощущение. Каждый день я возвращаюсь домой в лихорадке, жив ли он? Не превратился ли в собаку или в салфетницу? Он эгоист, он поймет.

Ну пожалуйста, мам, не нагнетай еще больше, молчанием.

– Ты не пообедаешь со мной, напоследок?

Я посмотрела на мать. Почему она просто жметя у двери, почему бы ей не отхлестать меня полотенцем, которое она искрутила в руках? Мне было бы легче, наори она на меня, что никуда не пустит. Но нет, она будет скулить, а как я уйду завоет.

– Пообедаю.

– Хорошо, я приготовлю.

– Заодно, смой волглое выражение с лица. Мам, – я улыбнулась, – ну правда.

Мы ели спагетти. Мама добавила в кофе коньяк. Чувствую, сегодня она выдует бутылку.

– Я могу тебя проводить?

– Нет-нет. Мне нужно зайти к Петре, да и по хорошему забежать бы к деду и девочкам.

– К деду-то, по хорошему?

– Я не правильно выразилась. Мне сейчас сложно подобрать слова, что ты придираешься?

– Прости.

Меня все больше раздражали ее уныние и кроткость. И без этого на кухне было мрачновато: выкрашенные в берлинскую лазурь стены, кафель – серая соль, который уже рассыпался; так еще и мать доводила меня до кислой скуки. Она молчала. Мне надоела тишина:

– Нет аппетита?

– Ты знаешь, я же ем медленно.

– Но не на столько, чтобы за полчаса не съесть и четверти.

– Я все думаю.

– Ну хватит. Пожалуйста, пожалей меня!

Я оставила свой кофе недопитым, он ей пригодится, и пошла одеваться. Мама за мной не пошла.

Какого черта! Куда делись все мои чулки? Я не могла найти ни одну целую пару. Пришлось надеть телесные, их я ни

разу не носила.

Мы стояли в прихожей.

– Пока. Я позвоню. Если я хорошо устроюсь, вышлю тебе приглашение.

– Это безумство.

– Безумству храбрых поем...

– Что за вульгарщина! Если ты такая у меня дура, скажи где я промахнулась? Я думала, что была хорошей матерью. Ты будто обижена на меня. За что я не нужна тебе?

Ого. Вот и излияние.

– Боже мой, мам, о чем ты? Я клянусь, что у меня нет обид и ты, действительно, чудесная мать.

– Отчего ты такая безжалостная?

Я задумалась. Не знаю. Почему она так считает?

– Мам, ты как Петре. Вы оба только и хотите меня иметь.

– Уходи.

– Целоваться, видимо, не будем? Ну нет, не плачь, ну куда...

Я все же была уверена, что она сдержится.

Я вышла на улицу. Как за час все деревья спустили листья? Уже осень? Я все еще не могу привыкнуть к такой быстрой смене сезона. Сейчас начнется полный колпак у коммунальщиков. Невозможно ходить, на дорогах листвы по колено. Голос из рупора просит оставить личный транспорт в пользу метро и самолетов. Ну да, эти дурики остаются, как же. Половина машин не сдается и продолжают плыть

в куче листвы. Пробки, как же не вовремя! До аэростанции далеко, метро – ненавижу, по любому толкучка. Получается пешком. По своему району я кое как прошла, а в центре более менее выдохнула. Его быстро убирают. Комплекс Петре, к моему счастью, находится у греческого посольства, там совсем чисто.

У него уже сутра прием. Он махнул рукой, чтобы я подождала за столиком у ресепшена. У него был какой-то знакомый мне профессор, но чем он занимался я так и не могла вспомнить. Петре положил ему таблетку на язык. Тот свернул его в трубочку и принялся рассасывать ее. Я попросила у Карме кофе. Мне кажется, она меня недолюбливает. Шатенка, бесспорно, красивая. Она давно имеет планы на Петре и считает, что я слишком вульгарно с ним обхожусь. Обычно каждая секретарша думает, что их надежда не заслуживает своей Дульцинеи. Обычно, секретарши одиноки. Обычно, не обладают смущением. Но я и в правду, была слишком груба для Петре. Я более приземленная и развязная. Он хотел избавить людей от болезней и времени. Я же хотела, чтобы он избавил от проблем меня. Он думал, он хотел. Мне не было плевать. Он был одержим, а я лишь наблюдаю и закрываю глаза. Я говорю о жизни, хотя мне нечего сказать. Он пытается жить, хотя ничего о ней не знает. Карме принесла кофе. Совсем молоденькая, она была в блузке без рукавов, и я заметила обвисшую кожу на предплечье. Она наклонилась надо мной, поставила чашку. Вблизи ее лицо не такое

и совершенное: пудра кое-где осыпается, тон забился в маленьких складках на веках. Какая я была дура, когда в свои двадцать, боялась стареть. Трусилась от морщин и дряблой кожи. Вот, передо мной, молодость, которой не уступает мое тело в тридцать. Глупое и сморщенное. Толку от этой весны жизни, если она дуб дубом?

– Благодарю, Карме.

– Да не за что. Смотрю вы с чемоданом, уезжаете?

– Мне казалось, все в курсе, что я выиграла поездку.

По всем экранам моя фамилия.

Карме усмехнулась.

– Возможно, но, к сожалению, ваша новость затерялась среди листопада. Уж слишком внезапно началась осень.

Кармен отвратительно пошло вздохнула, как обычно практикуют театральные дилетантки.

– Я ожидала через.. – девушка прикидывала в уме, – еще не скоро. Но я все же слышала, что вы летите в Калунну. Поздравляю, вы невероятная счастливица! Вам, несомненно, все завидуют.

Завидуют? О чем ты, девочка? Меня все ненавидят.

– Не думаю, Карме, что это уж так важно. Всего лишь путешествие.

Выходит, СМК умолчал об односторонней дороге.

– Зато какое! Когда вы прилетаете?

– Часов в шесть буду там.

– Да нет же, обратно.

– Обратно? Не помню. Я в таком волнении стала совсем рассеянна.

– Что ж. Приятного странствования.

Карме закрыла за собой дверь палатного отделения. Там она приведет себя в порядок от пунцовой злости. Плевать ровным счетом. Петре все еще был занят профессором. Из отделения кардиологии вышел молодой парень. Довольно симпатичный. В спортивном костюме, видимо лежит в одной из палат. Мы переглянулись. Он улыбнулся, прошел мимо меня дальше по коридору. Я обернулась, его брюки испачканы сзади. Три светлых пятна. Я фыркнула. Наконец-то подошел Петре.

– У меня есть пять минут перед следующим клиентом. Поздравляю, ты скорее всего полетишь?

– Как видишь. – я указала ему на чемодан.

– Ты в новых чулках? Неплохо. Весьма.

– У меня один билет.

– В каком смысле, я знаю, два было бы жирно.

– Ты не понял. У меня только один билет – туда. Обратного нет.

– Почему? Не выдали? Потеряла?

– Его и не было. Как ты и сказал – два жирно. Я выиграла билет в одну сторону.

– Какая бессмыслица. Зачем они разыгрывают такие шутки? Но это и неплохо, Ифе, мы его продадим. Да-да, продадим! Это же несколько сотен... это несколько тысяч!

– Полтора миллиона – последнее предложение.

– Боже мой! Мы... мы богаты!

Петре подхватил меня.

– Ты невероятно богата, Иф! Ты сможешь выкупить клинику, я смогу создать все свои задумки! Мы обеспечены на всю жизнь! Мы можем помочь сотням людей.

– Нет. Нет, Петре. Я лечу. Я не продаю билет. И ты действительно думаешь, что если бы я продала его, то занялась бы медициной? Ты думаешь о людях, но на человека тебе плевать. Один не считается, да, Петре?

– Не понимаю... Ты упрекаешь меня?

– Я хочу попроситься.

– Я не верю. Это же шутка?

Пауза.

– Ты бросаешь меня?

– Выходит так.

Лицо Петре опустилось.

– А как же твоя мать? Как же семья, работа?

– В каком смысле?

– Ты все понимаешь.

– Я никогда и ничего не понимала, Петре. Я лечу. Что будет там, не знаю. Как-нибудь выкручусь, посмотрим.

– Ты никуда не полетишь.

– Отпусти мою руку. Я лечу. Ты понял?

Ненавижу мужскую истерию. Ничего интересного и неожиданного.

Я вышла из клиники и выкинула телефон в мусорку, куда сразу полез грязный мальчишка. Надеюсь, ему доставит блаженное удовольствие мой альбом. Теперь я задалась вопросом, зайти ли к девочкам? Думаю припадков на сегодня хватит. А дед? С ним все же лучше проститься.

Дед жил в одноэтажном собственном доме за рекой. С центра пешком минут двадцать. Но при таком листопаде весь час. Я спустилась на причал. Через речку пять минут. На аквабус стояла страшная очередь. Меня ухватил под локоть неприятнейший кряжистый тип:

– На лодке без очереди.

Отлично. Я пошла за ним и села в скрипучее судно еще с двумя женщинами. За скорость я заплатила в три раза больше, как собственно и за нервы. Лодка опасно качалась, да и сопрановый капитан был не особо трезв. Зато как я была счастлива, когда ступила на землю.

Я закрыла за собой калитку, дед сидел под кустом сирени на скамейке, ел чернику. Он отложил журнал про путешествия. Его глаза были обвязаны красной лентой.

– Привет, дед. Изучаешь дикие пляжи?

– Приветствую, молодежь! Да вот, старый нашел за шестнадцатый год, перечитываю. Я все звоню тебе, а телефон говорят недоступен.

– Странно, вроде работает. Я ненадолго, у меня самолет.

– Ааа, слышал, улетаешь... Чаю со мной не выпьешь?

– Нет. Тебе мама не звонила?

– Не слышал.

Я села рядом. Черника кислоющая.

– Ты когда обратно? Звони и рассказывай как там. Буду глотать слюнки.

– Дед, может снимешь повязку? Сколько ж уже не видел меня?

– Это невозможно.

– Конечно.

Бессмысленный разговор.

– Ладно, мне пора.

Я хлопнула ладонями по коленкам.

– Дай обниму тебя. Совсем похудела, ничего не ешь поди?

– Еще как ем.

Мы молчали. Я смотрела на красный бандаж.

– Позавчера ты ходил с зеленой повязкой.

– С желтой, Иф.

– С желтой, да...

Я может быть никогда не вернусь. Я вероятнее всего никогда тебя не увижу... и ты еще встаешь в позу. Попытаюсь еще раз.

– Я хочу, увидеть тебя.

Дед вздрогнул.

– Знаю, что будешь брыкаться, но я уезжаю надолго. Ты же понимаешь, может случиться что угодно, ты не молодой человек.

Но дед играл в молчанку.

- Ты можешь посмотреть на меня?
- Ифе, я не сниму повязку.
- А если это последняя встреча?
- Что ты несешь! Я буду отплясывать на твоей свадьбе.
- Ты и правда слеп.
- Не правда, Иф. Я вижу слишком хорошо.
- Тебе еще не надоело так жить?
- Как?
- Как анахорет?
- Ифе, я начинаю яриться, не обижайся, пожалуйста.

Не хочу прогонять тебя, но если за три года я ни разу не отступил, почему вы каждый раз считаете, что сможете меня переубедить? Перестаньте с твоей матерью считать себя целительницами и оставьте меня в покое.

- Считаешь это легко?
- В мое время, нас учили весьма полезной добродетели – смирению. И очень жаль, что нынче, у вас другие взгляды.
- Думаешь просто смириться с тем, что ты себя мучаешь?
- У тебя красивый голос, особенно, когда сердисься. Если бы я не закрылся, никогда бы это не заметил.
- Как сейчас не замечаешь другого.
- Ифе, я попытаюсь тебе объяснить в последний раз. И больше мы никогда не вернемся к этой теме. Я не хочу видеть. Главное в этом предложении два слова, а между ними отрицание: «я не хочу». Я не хочу смотреть на людей. Ты знаешь, дома я повязку не ношу. Я читаю газеты, стираю

портки мылом сиреневого цвета, протираю пыль бумажным полотенцем в какой-то невероятно жуткий узор и сортирую мусор. Я не могу, милая Иф, я просто не способен смотреть на людей.

Он крутил головой, будто снова убеждая себя.

– Вместо их голов я вижу омерзительную бессмыслицу. Что говорить, если я видел вместо твоей головы помет, а вместо лица твоей матери гниющий кукушкин череп? Как я могу видеть, если каждый прохожий на улице, в магазине, на экране, это дохлые крысы, тлеющий пластик, раздавленные насекомые, грязь, испачканная одежда, замаранные трусы, расколотые кирпичи, гвозди, жирные апельсиновые задницы! Как мне предлагаешь с этим жить?

– Может это уже прошло, откуда ты знаешь?

– Так же резко как и возникло?

– Именно.

– Я скажу тебе, что всегда резко возникает – боль. Радость – состояние деликатное и мягкое.

– А вдруг?

– А вдруг нет? Я год, то надевал, то снимал повязку – прошло? Ничего не прошло.

– В зеркало ты все ещё не рискуешь смотреть?

– Если я увижу, что вместо моего лица пяточок – да я умру.

– Но ты не знаешь, что там! Что если ты не изменился, если ты остался с прежним лицом? Сколько можно бояться?

– Так у меня, все же есть, какая никакая надежда. Этот разговор закончен.

Мы друг друга не понимаем.

– Лекарства не принимаешь?

– Да толку уже нет.

– Но жить ты еще хочешь?

– Хочу. И прекрасно справляюсь в одиночестве.

– Ты все прочитал, что мы тебе принесли?

– Перечитываю Манна и журнальчики всякие.

– Петре должен на днях привезти еще пару книг.

– А газеты? Никаких нет?

– Жди начала следующего месяца.

Я произнесла это с улыбкой, дед ее почувствовал.

– Еще неделя!.. Хочу картинок.

– Рисуй свои.

– Брось, из меня художник, напишу не лучше того, что вижу. Вчера кстати, закончился синий, так я сам дошел до художественного. Купил вот.

Дед повертел карандашом.

– Как? Сам? Дедушка, зачем же? Я могла привезти!

Это же опасно.

– Нормально, я прекрасно справился. Вполне уже могу выходить в город.

– Где ты достал палку?

– Твоя мать принесла.

– Она мне не говорила.

Пару минут мы сидели беззвучно.

– Если честно, дедушка, мне пора.

– Не забудь сообщить, как доберешься.

– Конечно.

Я немного промедлила у калитки. Совсем старый. Будет ли ходить к нему Петре? Конечно будет. Он не такой как я. На душе чувство, словно я стою на торжественном аутодафе. И смысл каяться, раз все равно сожгут.

Так, теперь церемония с Ниной и все.

Я кое как добралась через листву до метро. Естественно давка. Но радует, что в последний раз. В Мороуо то такого нет. Интересно, все ли там так как говорят? На эскалаторе на меня навалился брюхатый мужик. Икнув, он, видимо,

вежливо извинился:

– Merci.

– Grand plie.

Моим ответом он был доволен.

Нины дома не было. Скорее всего она в лавке. Так точно, Нина свистела и составляла сдобную композицию из засушенного хлеба.

– Привет-привет, я не скоро закончу. Час назад пришел хороший заказ на корзину, мне нужно составить блестящий букет. Заметила, как я похудела? Кучу денег отдала за трехдневный курс подавления аппетита.

– Заметила.

На меня с ее стороны – никакого интереса.

– Я улетаю.

– Да, я слышала. Счастливого полета! Когда вернёшься?

– Не знаю. Может никогда.

– Что такое?

– У меня нет обратного билета. – я пожала плечами. – Как-то так.

Нина недоуменно уставилась на меня.

– Зачем ты летишь туда? Ты прекрасна устроена здесь. Ты счастлива, у тебя такой замечательный Петре. Тебе просто нужно подумать о детях.

– О чьих?

– О своих, конечно. Пора бы.

– Нина, можешь просто понять меня?

– Наверное нет. Подожди, но ты в Комитете не дошла до Толи.

Ее лицо перекошилось.

– К нему переведут нового педагога. Я обо всем договорилась.

– Но я платила за тебя, а не за другого.

– Он хорош.

– Здесь нет никого лучше тебя!

– Тебе вернут деньги, и бесплатно пару раз в неделю с Толей будет заниматься словарь и филолог, я попрошу.

– Ужас.

Нина вроде как утихла. Но она продолжала смотреть на меня как на человека, который путает шпица с овчаркой.

– Ладно, я пойду.

Я вышла из магазина. Злая и раздраженная. Нина выбежала за мной, видимо не допела мне какой-то псалом. Я ускорила, она ни за что не бросит лавку, и за переходом я ее уже не видела.

Таксист не захотел подвести меня прямо к аэропорту, как он сказал боится. Пронюхав кого везет он решил пожить-ся. Я сунула ему тысячу. Он принял ее и не подавился. Я же оставила дверь распахнутой, когда выходила. Пусть протрясется свинья. Меня муторно досматривали 50 минут, чтобы впустить на территорию аэропорта.

Я немного замешкалась. Пустое поле. Здесь не было ни самолетов, ни... да ничего здесь не было, кроме метеостанции

и невысокого здания, скорее даже оно походило на надстройку, переходящую в землю. Но люди шли туда. И я, соответственно. Никто не удивлялся. И мне приходилось, соответственно. Чуть не по мне проехал желтый грузовик-фургон. Ладно. Опять досмотр. Более щадящий, минут 20. Впустили в надстройку. За стеклянными раздвижными дверьми уходили вниз два эскалатора. И чем ниже я спускалась, тем больше раскрывалось пространство со стойками регистрации, залом ожидания и мелкими закусочными и ресторанами.

В Duty-Free я вспомнила таксиста, толстобрюхого вымогателя. Короткоутробистая сволоч. Мне хватило на воду и печенье. Самое дешевое. Еще осталась мелочь на кофе. Заказала у стойки, села у окна. Официант был не против, что я распаковала свое печенье. Он знал кто я. Поздравил. Поблагодарила. Светило солнце. Из-за листопада отменены все рейсы, посадка запрещена, но не для самолетов, летящих из и в Мароуо. Куда я лечу, зачем? Что буду там делать, без денег, одна? Из окна я видела два огромных белых самолета с черными полосками.

Чекин. Паспортный контроль. Я спустилась с остальными пассажирами в стеклянную будку. Небольшое помещение, несколько диванчиков. Вот-вот откроются двери и мы выйдем на взлетную полосу. В загоне плохо пахло, бензином что ли? Двадцать минут в этом стойле мы ждали посадки. Холодно. Очень холодно. Маленький самолет. Подъехал перронный автобус, я встала у двери. Поднялись по трапу.

Роскошный салон. Кресло удобное. В самолете душно. Ненавижу перелеты.

Разносят еду.

– Погодите, вы же член-корреспондент ФИЛЛИТа?

С заднего ряда бестактно вопрошало женское произведение.

– Вы ошиблись.

– Да нет же, это вы! Вот!

Тетка тыкнула в меня журналом. Я на развороте, даже с интервью. Любопытно, когда я успела его дать? Хотя бы фото приличное, уже приятно. Правда пятилетней давности.

– Да это вы, что отнекиваться-то? Луиза, эмм... Семятина!

Здесь тетку замкнуло. С чего я вдруг стала Луизой? И фамилия моя Сирянтьева. Да и путевки, как правило, возвращают пассажиров обратно. Меня же выкупать никто не собирался.

Тетка надоела соседу.

– Да что вы к ней пристали?

– А вы ко мне.

– Да мне на вас чихать.

– Утрите нос.

От меня отстали. Подошла высокая талия – стюардесса.

– Паста, рис?

– Рис.

– Саке, пиво?

– А вино у вас есть?

Стюардесса фыркнула, но чеканная улыбка оставалась на месте.

– У нас много чего есть. Какое предпочитаете?

Стюард принес тарелку белого риса с орехами и чипсами. Приборы, салфетки и несколько видов соуса. Открыл бутылку бордо, понюхал пробку. К чему это? Будто по мне не видно, что я тут просто затесалась среди багажа. Вино мне понравилось. Рис тоже. Я выпила бутылку, но уснуть не могла. Пару раз нас трясло. Лететь еще час – мука.

«Работа. Группа студентов. Третий курс. Едем в автобусе. Сегодня разбираем новеллу хлюпкого парня. Не помню имени. Он приятно читает. „...и мы начали борьбу с безумной тягой...“ Я останавливаю. Так не годится. Проще...».

Меня разбудила стюардесса. Садимся.

Город

У самолета меня ждала машина, три мужчины, два в смокингах и темных очках, третий в пальто с камерой. Посадили на переднее. Остановились в центре. Вышли. Букет цветов. Пару снимков с «радостным восхищением». Пожатие рук. Любезное прощание, с наидобрейшими пожеланиями. Я осталась одна. В ладони я сжимала пять тысяч юнит. Какой элегантный и кургузый жест от моего правительства. Для моего правительства. Но все же, бонус приятный.

Все кажется особенным. Красивейшие барочные небоскребы, бионические двухуровневые конструкции, органические произведения. Все кружило голову помпезностью и богатством. Неон, стекло, вода. Всюду бутики, кафе, рестораны. Цены кошмарные. Люди одеты по сумасшедшему невероятно, но безусловно стильно. Я остановилась у здания народного парламента, его фасадная стена – водопад. Как такое возможно? Рядом на лавке, кучковались несколько школьников, курили.

Я вышла на проспект с еще более красивыми и дорогими витринами. Здесь уже более классические костюмы.

Надо бы позвонить матери, сказать что я долетела. Набираю ее номер – тишина. Так несколько раз. Звоню деду, тоже самое. Затем мне пришло сообщение, что иностранные номера заблокированы.

Прекрасно.

Я зашла в торговый центр. Живот урчит. Сколько я так гуляю? Часа три, не меньше. Нужно перекусить.

Первый этаж был навален полками с разнокалиберными флаконами, фруктами и сухими закусками, заедками. Тут были и утиная копчёная грудка на палочке, как эскимо, с разными обсыпками: драже, орехи, крошка; конфеты из сухофруктов и хвои; дубовые корни в остром маринаде. Крутая лестница изгибалась на второй этаж. Я не рискнула подняться. Флакончики духов начинались от 400 юнит. Снедь от 70. Нехило. Я вышла из центра и тут же ко мне пристал мужчина.

– Какое самое популярное имя в Зимбабве?

Я стушевалась и не могла произнести ни слова. Мужчина махнул на меня рукой и прошел мимо, приставая к другим. Кто-то его стукнул в висок, у мужчины пошла кровь, но он пошел дальше, будто с замахом ему ответили, что самое популярное имя в Зимбабве – Джамал. Я опешила.

Надо бы выйти из центра, может цены в окраине придутся по меньше? Так я прогулялась еще минут тридцать- все тоже. Но мне повезло. Я уткнулась в конец одного узкого переулка, где в цоколе я нашла недорогое кафе. Зашла. Обед – двадцать юнит.

Отлично. Не совсем дешево, но и не так кусаче.

Я села за круглый столик на двоих. Гостей немало, видимо место популярное. Но почти каждый ест, уткнувшись в план-

шет.

Девчонка с черной челкой положила передо мной корзинку с хлебом и тарелку томатного супа. Весьма, весьма. Когда я доела суп, ко мне подошел уже румяный парень с карбонарой. Забрал грязную посуду. Феноменально вкусно.

Необычное место. На стенах проколоты дыры, в которых можно увидеть отражение, либо пейзаж саванны, или охотившуюся гобийскую серую кошку.

Последнее, кофе с шоколадом. Одно скажу – качество продуктов тут лучше. Как я понимаю, это бюджетное место, по нашему – столовая. Однако как же здесь красиво. Определенно.

Теперь бы найти жилье. Только где? Я спросила у официанта, как обычно здесь с этим делом? Он сказал, что найти жилье дело нереальное. Все стоит бешеных денег. И я могу лететь домой. Благодарю. Становится страшно. Официант осмотрел меня, пялился на ноги. Потом подошел и сказал, что у него есть знакомый, он может помочь, но за небольшой гонорар. Вопрос какого рода не стоял, это было очевидно. Я расхохоталась. Когда я сказала, что об этом не стоит и думать, официант оставил меня. Однако подошел через десять минут с узким как вобла, но осанистым приятелем.

– Это вам нужна комната?

– Квартира.

– Квартира 2500 юнит, комната 300.

– Что за комната?

– Покажу.

– Далеко?

– Нет. Рядом. Поэтому и 300.

– Выходит есть и дешевле?

– Клопушник всегда найдется.

– Нет, благодарю. Пойдемте посмотрим.

– 300 юнит.

– Я поняла.

– Не особо. Мне. Сейчас. 300.

– Вы шутите?

– С чего вдруг?

– Я и комнату не видела.

– И к чему удивление?

– Я не могу платить вам не понятно за что. Это абсурд.

– Вы, молодая дама, узнаете что есть абсурд, когда я уйду, и холодной ночью столкнетесь со шпаной и крысами. Удачи.

Парень поклонился.

– Хорошо! Держите.

Я недовольно кинула перед ним на стол три сотки.

– Вот и отлично. И не надо сердиться. – Парень свернул деньги в трубочку и сунул в карман. – Дом кирпичный, противно розовый. Улица Ксендз 4.

– Я сейчас вызову полицию.

Я была в ярости. Парень же спокойно отшучивался:

– На этот адрес? Без них не зайдете?

Я еле сдерживаясь, вбила в карту этот адрес. Однако, к мо-

ему изумлению, он существовал.

– То есть вы меня не проводите?

– То есть верно.

– А ключи?

– О чем вы? Здесь никто не закрывает двери. Это не законно.

– Верните деньги.

– Нет уж. И прекратите упрячиться. Вы мне глубоко симпатичны, хоть это и странно. Не хочу чтобы с вами что-то случилось. Идите по этому адресу. Ваша комната «У синего моря» самая дальняя по коридору, на первом этаже.

– Название комнаты вы придумывали?

– Отчасти. А вы, я смотрю, всем недовольны. Но я вас прощаю, за вашу не осведомленность. Однако, если бы вы согласились отблагодарить меня как положенно, отношение мое было бы приличней.

– Да идите вы к черту!

– А посылать меня не нужно, но вы меня еще вспомните, через недельку, когда освоитесь. Я, кстати, как говорят, весьма силен и покладист.

– Это-то вы к чему?

– Моя фамилия Фролов. Если будут вопросы пишите.

– Куда?

– Мой номер лежит в почтовом ящике. Или прибит к двери. Найдете.

Парень приподнял кепку и удалился.

Официант бойкотировал вопросы о Фролове. Ладно.

По крайней мере дом существовал.

Я зашла в парадную и растерялась. Старый ремонт. Две лестницы – наверх и вниз, плюс пять дверей. Меня окликнула толстая женщина с противнем.

– Та-ак. Это вы стало быть будете жить у моря?

– Простите?

– Ах, боже мой! У меня пирог не готов, а я должна следить за вами! – женщина взяла меня под локоть и указала направление. – Вот, выходишь в эту дверь, налево и через двор в первую парадную. А там прямо до конца по коридору. Меня зовут Етлая. Если захочешь есть – угощу. Я живу в квартире. Можешь заглянуть, но не части. Я то, человек больной, видишь руки какие толстые? Ну давай, ты это, не блуждай только.

– Уж постараюсь.

Во дворе росла стеклянная трава. Мальчишки срезали ее, собирали дымовуху. Я прошла двор, солнце. Зашла в первую парадную и пошла по коридору.

Слева в неприкрытой двери, я увидела совсем худую девушку с красивым лицом. Она сидела на коленях, в захлавленной узкой комнате и смотрела фильм. На ней – старый коричневый палантин. Из комнаты несло пылью, и в целом, она походила на гробницу. Я переглянулась с девушкой, она улыбнулась и предложила зайти. Я ответила, что позже, мне нужно осмотреть свою комнату. Она кивнула. В двух мет-

рах, справа, находилась уже моя дверь. Я не успела и взяться за ручку как меня одернула сухая старуха.

– Зайди ко мне. Ты же будешь здесь жить?

Она с силой потянула меня к себе в нору. В прямом смысле. Дверь ее была заколочена фанерой, и оставалась дыра у самого пола. В нее старуха и пролезала. Я не видела смысла даже задаваться вопросом, если она так успешно ныряет в стратосферу, ее дело. Но проползать внутрь не хотелось. Казалось, что там логово гадюк или вшей и чего похлеще. На вершине двери прибит коммунистический плакат.

– Простите, я очень устала. Загляну к вам обязательно, но позже. У меня болит спина.

Старуха с таким страхом в глазах обдала меня, будто она член НСНРП, а я сообщила о его роспуске. Я решила шуткануть.

– Вы, наверно, придерживаетесь левых позиций?

Старуха испуганно вскрикнула и стремглав нырнула в нору. Наверное не стоило начинать с этого. Поначалу думала заглянуть к ней вниз, извиниться, ну да ладно. Полагаю, она меня больше не станет дергать. Я обернулась. Красивая девушка выглядывала из своей комнаты, хихикала. Меня это все порядком начало раздражать. Я снова поплелась в свою комнату. Прямо перед дверью, с треском упала балка. Я подняла голову, на потолке красовалась черная дыра. Я помолилась. Уже и не вспомню чему.

– Эй, девушка! – из дырки сверху показались два стеклян-

ных глаза.

– Что вам надо? – я уже не церемонилась.

– Вы кто?

– Кто я? Да в чем дело?! – я взбесилась. – Я новый жилец с тяжелым кулаком!

Я как остервенела. Глаза скрылись. Не нагнала ли я страху на весь дом? Надеюсь мне это не аукнется. Я зашла в комнату, в совершенно пустую, небольшую, квадратную. С широким окном. Здесь не было ничего, кроме синего совка и крошечной метелки по центру. Видимо, прикрывает щель. Нет, не щель. Под совком лежала бумажка с убористым почерком «будьте любезны, содержать комнату в чистоте», я огляделась. Что ж, не обещаю, но постараюсь.

В дверь постучались. Я в каком-то аффекте открыла. На пороге стоял немного сгорбленный мужчина в буденовке черного цвета с желтой нашивкой.

– Вы спекулируете?

– Я? Что?

– Ну, того... самого... Маклачите?

– Как ваше имя? – мне нужно было как-то к нему обращаться.

– Чье? Мое? А... А зачем вам! Вы из службы? Я... Так я тоже!.. Я как проверка! Проверяю... тоже... – мужчина запинался, потел и побелел. Я уже забеспокоилась, что он вот-вот даст дубу.

– Послушайте, гражданин, по всем вопросам приходите

в часы приема после шести. А пока – всего доброго.

Я закрыла дверь. Я была уверенна, что он еще стоит под дверью, белый и мокрый.

Прилечь бы. Может попросить одеяло у девушки? У нее наверняка найдется какая-нибудь тряпка в этой куче хлама. Я вышла из комнаты. Спекулянт сидел под дверью. Весь съежился.

– Только не бейте. – вымолил он.

– Да зачем это мне?

Дверь соседки была также раскрыта, я постучалась в наличник.

– Ты пришла! – девушка радостно воскликнула. – садись ко мне! Я смотрю...

– Я могу попросить тебя дать мне на время одеяло? В моей комнате нет даже матраса. Могу заплатить.

Из ниоткуда возникла старуха. Протягивает одеяло.

– Пять юнит!

– Бросьте, я ей бесплатно дам. И подушку. Можешь взять два одеяла, на одном спи, другим укройся.

Девушка зарылась в шкафу. Бабка ретировалась.

Я легла прямо в одежде. Постель отдавала ветхим, нечистым букетом. Но я слишком устала и быстро заснула.

Под окном кто-то кряхтел. Сначала я думала поросенок, но он чихнул, мужчина значит. Я снова провалилась в сон.

Под окном кто-то начал копать. В нос ударил дурной запах лука. Я открыла глаза, в комнате во всю стоял табачный за-

пашок. Выглянула в окно, точно, роют. Два мужчины, а нет, в кустах еще один. Да тут их много, похожи на бригаду. Да и правда, строители. Час ночи. Я закрыла окно и ставни. Стало темно. Все равно слышны шебуршания. Я кое как все же заснула.

Три ночи, боже мой! Музыку включили. Причем самую мерзопакостную: «...ты для меня царица, я подарю тебе цветы, ты подаришь мне сынишку, я одарю тебя любовью, о моя царица...» Рабочие с ума посходили что ли! Я открыла окно.

– Простите... прошу прощения!

На меня не обращали внимания. Я закрылась одеялом. Уснула все же.

Четыре утра, под окном ржут лошади. Ну это уже действительно смешно.

Так, я просыпалась каждый час. Под утро я окончательно сломалась и больше не шевелилась.

– Откройте, девушка!

Я испугалась и рванула с постели. Открыла дверь.

– Что случилось?!

Мне улыбалась толстая женщина, как ее там, Етлая, кажется.

– Да вы давно не показывались. Поди померла, дай посмотрю. Уже вечер скоро.

Она указала на часы. Я выдохнула. От резкого скачка разболелась голова.

– С чего мне помирать-то?

– Ну кто тебя знает. Ты есть хочешь?

– Я?

– Есть мне хотелось безумно, но спросоне я слегка подтормаживала. Да и сознаваться как-то неловко, ведь предложит чего.

– А ну пошли ко мне. Питаться будешь.

Я поблагодарила женщину и извинилась, что не могу зайти к ней, мол сначала душ и все такое, но Етлая не отцеплялась.

– Иди умойся, я подожду, – она потянула меня к мойке, – и пошли.

Я честно сказать, была рада ее настойчивости. Я умыла лицо и поплелась за женщиной.

У Етлай была темная прихожая, но светлая гостиная. Чуть морозная, от этого казалась свежей. Белая кружевная ска-терть. Полевые цветы в вазе. Она поставила передо мной тарелку с ватрушками, налила чай и уселась напротив, видимо чтобы следить затем как я ем.

– Ешь.

– Почему вы меня кормите?

– Не поняла.

Я тоже не поняла, что в моем вопросе было двусмысленного, переспрашивать не стала.

– И чего собираешься делать?

– Ну пока я ем ватрушку. Потом пройдуся, осмотрю город.

– Ну. Город у нас сам по себе красивый, но загаженный.
Я удивилась.

– Ох увидишь еще. Грязи тут полно. Вот Сакрама, старуха с тобой рядом...

– Что в скважину лезет?

Етлая неодобрительно посмотрела на меня. Я сконфузилась.

– Ты ее избегай. Лучше и не заговаривай. Она не моется.

– Да вы мне тоже не дали.

Я пошутила и тут же пожалела. Надо бы вести себя по тише.

– Ты откуда такая не понятливая свалилась? Долго здесь жить собираешься?

– Не знаю.

– У тебя денег нет. На работу устроиться бы.

– Да. Возможно.

– Я тебя устрою. Иначе пропадешь. – Етлая задумалась – Ты, видно ученая, вот и будешь учить Степку. Я буду платить тебе пять юнит.

– Простите, я совсем не хочу казаться грубой и неблагодарной, но я в городе всего день и большую часть проспала. Мне нужно осмотреться, я ведь даже не знаю сколько стоит хлеб.

– Хлеб? Хлеб ничего не стоит. Его выдают в магазинах, как и молоко. А остальное – дорого. Ты миловидная, если мыться не будешь, не пропадешь. Тебя быстро ухватят.

Но не надо, честно, не стоит.

Я молча жевала лепешку. Вроде женщина смотрелась участвующей и добродушной, но все казалось подозрительным.

– Я не хочу отказываться от вашего предложения, но я могу подумать? И кого и чему нужно учить?

– Моего сына науке. Ты же образованная, вот и его научи.

– Сколько ему лет и с чего вы взяли, что я образова... – Я осеклась. – Про меня здесь знают? Показывали на экране?

– Нет. С чего вдруг? Просто видно это, и все. У меня глаз хороший на приличных людей. Их так мало, так что поосторожней будь. Присосутся к тебе, ты и отрывай. Ну все.

Етлая убрала от меня лепешки.

– Идите, барышня, гуляйте. Голодная будешь – стучи.

На пороге я спросила знает ли она Фролова.

– Ну конечно знаю. Его несколько комнат. Сдает.

– И как вы считаете, он приличный человек?

– А по каким нормам мерим?

– До свидания!

Пасмурно. Я поменяла телефонную карту на местную. Чтобы написать маме, что со мной все в порядке, пришлось заплатить 5 юнит за спецавтомат. Я зашла в кабинку, на мониторе ввела свои паспортные данные, набрала сообщение. Из Калуны нельзя связаться с другими странами. Только если вы иностранец, но весь ваш текст просматривают, и если что корректируют.

Мне попался отличный район. Вроде и центральный, но без беготни. На каждом первом этаже – бары, кафе, продовольственные лавки с вином. В одном я купила литр белого из бочки за пять юнит и сыр. Так я это все цедила весь день, пока не вернулась домой.

У парадной лежала дворняга. Совсем молодой пес. Я отдала ему остаток сыра. Съел, я вошла в доверие.

Почти не спала. Просыпалась каждый час. Мальчишки играли в футбол под окном, всю ночь. Стук, стук. Удар, удар. Я встала в 8. Так рано в Мароуо ничего не работает. Кафе, пекарни открываются в одиннадцать. На работу местные собираются к этому же времени.

Ванных комнат на этаже было три. В самую первую при входе я даже не заглядывала. Во второй – унитаз, раковина, чугунная ванна. И третья, что ближе ко мне, аналогична, только вместо ванны душевая кабина. Крючков не было. Вешалок тоже. Даже лейку не на что было крепить. Еще и вырви глаз штора пропускала воду. Замочила я, вообще, пол. Убрать нечем. Ладно, думаю, все так. Полотенца нет (нужно бы купить), вместо него простыня.

Нужно придумать, чего дальше делать с деньгами, на эту неделю мне хватит, даже если и шикануть в барах. Ладненько, потом и посмотрим.

Етлая разрешила пользоваться ее ключом от питьевой колонки. Я вышла из дома, закрыла за собой парадную дверь.

У нее меня ждал вчерашний пес.

– Слушай, приятель, у меня сейчас ничего нет. Позже.

Две дороги, похожие на проселочные, справа слева кусты с крестовидными формами и ты у водораздаточной. Кнопка старта прибита к голубому деревянному забору. За ним чей-то участок с домом и садом. Если постараться это можно разглядеть через щель. Я подставила бутылку под кран и нажала на кнопку. Перед этим, я посмеялась, мол тронешь кнопку и просевший забор как нечего делать рухнет. Трубы зажурчали. Подозрительно дребезжали. Забор потянулся к земле и рассыпался. Я в ужасе, бегом оттуда. Из крыльца вылезла бабка, похожая на банан. Провизжала кому-то весьма не приятное, видимо мне.

На пути к дому я зашла в турецкую забегаловку, взяла шаверму, в ней- одно мясо, из овощей – маленький чили.

В комнате тишина. На подоконнике стоит электрический чайник, кружка и упаковка байхового. Откуда это, Фролов? Ну да ладно, я заварила чай. Под окном внизу скулил высоковозрастный щенок.

– А, это ты, сюда добрался? Ну на, половину, здесь одна свинина.

Я кинула ему половину шавермы. Пес умял за секунду, побежал. Я постучалась к Етлаи. До вечера просидела у нее.

В душевой – объявление на двери «Не мочите пол. Заливаем аптеку». Оказывается, под нами в подвале, гомеопатическая. В самой ванной комнате поставили ведро и швабру.

Ай, полотенце забыла.

Я вернулась в свою комнату, приятнейший сюрприз: вместо моей лежанки обнаружилась кровать. Ну, спасибо. Я заснула.

Как здесь можно вообще спать? Могу проснуться за ночь раз десять наверное. То весь коридор скрипит, то байк под окном заводят. Пять утра, смех. Жуткий, дамский, с примесями визга. Распивали что-то. Я не закрывала ставни, но сегодня попробую, может помешают слышимости.

Я снова встала в 8, умылась и вышла на улицу. Погода неплохая. Облачно, ветрено, но тепло. Когда открылся супермаркет, я взяла детский шампунь, самый дешёвый 2,5 юнита. Купила пачку кофе за три, молоко и шоколад. Я пододвинула кровать к окну. На ней и завтракаю, подоконник вместо стола. На кухне не удобно, особенно если еще на ней готовят еще несколько комнат. Это как питерская коммуналка, где кроме красивого вида, нет ничего привлекательного. Сплошное неудобство.

Единственный приятный плюс Мароуо – дешевые морепродукты. Етлая одолжила кастрюлю. Я купила креветки.

Возвращаюсь домой, на пороге парадной куча. Дверь подъезда открыта. Тот пес? А я еще и дверь не закрыла? Весь подъезд вонял собачей гадостью. Я обошла зловонную лепешку, зашла в комнату, положила креветки на подоконник. Что делать, надо бы убрать. По любому я под подозре-

нием, соседи видели как я кормлю пса. Как же неудобно. Я забежала в торговый центр и стащила с поддона два плотных туристических каталога. Ими и сгребла кучу, выкинула под кусты у подъезда. Попросила у Етлаи порошок и присыпала им след от бывшего. Вымыла руки. Кремом бы... ладони как грецкий орех. На кухне нашла сливочное масло, ну что делать – стало легче.

Есть хочу. У меня же креветки на подоконнике! Побежала за ними.

Вся кухня провоняла рыбой. Открыла окно – проветрить. Ела в комнате, вернулась помыть посуду, на окне стикер – «Пожалуйста, не открывайте окно нараспашку. Ветер сдувает приборы». Ладно, не буду. Вообще надоело мне шарашиться по грязной кухне, казалось, что ее никто никогда не мыл. У Етлаи была своя, в квартире, а остальные обитатели не особо то и чистолюбивы. Так я завязала с муторной готовкой.

Теперь утро проходит быстрее – душ (опять забыла полотенце), завариваю кофе. Вот уже и 11. В коридоре наткнулась на молоденькую соседку, сказала, что верну на днях ей белье. Она просила не беспокоится, у нее его много. И потянула к себе в комнату, где дала мне полотенце. Мол, не стоит обтираться пододеяльником, но когда куплю полотенце отдам ей. Я зарумянилась и поблагодарила девушку.

Музей.

Я гуляла уже несколько часов. Заходила в магазины, по-

пала на ярмарку, и купила за 20 юнит билет в музей. Случайно. На стенде было написано «Акция три юнита», но на кассе сказали, что это льгота для безлегочных инвалидов. Мне было не ловко отказываться и выставить себя моромойкой, очередь испепеляла и кассир уничижительно шурился. Какого черта спрашивается?! Пришлось выложить двадцатку. Я пока не знала в музей чего я захожу. Никакой информации, кроме вывески «музей». Меня подкупило помпезное барочное здание с массивными колоннами и стометровая очередь.

Высокие, невероятно высокие потолки. Стеклянные балки. И шкафы. По всему периметру, из зала в зал, из помещения в другое, всюду. Люди открывали их, доставали странные экспонаты, рассматривали их и убрали обратно. Ни один человек не доставал одну и ту же вещь. Я следом за мужчиной открыла шкаф. Пыталась найти платок, который он оттуда вытащил. Ничего. Из соседнего шкафа пожилая женщина достала золотую пудру в бриллиантах. Она прослезилась и закрыла дверцу. Я подбежала и естественно, внутри, никакой пудры. Старый велосипед, как у меня в детстве. Столовая ложка, похожая на ту, которую я стянула из бара в Австрии. Желтый авокадо, точь-в-точь как мне принес Петре.

Что это за шутки? Я открыла другой шкаф: джинсовая куртка, на которую выкинула три года назад; мой художественный диплом; свидетельство о рождении. Я открывала шкафы – в них лежали только мои вещи. Капсулы, ключи,

справка с поликлиники, древний парфюм.

Мама... Как же ты там? Петре. Интересно, ухватила ли за него Карме?

Мама говорила, что была лучше меня. Отец говорил, что я особенная. Друзей у меня не было и мама любила повторять, что я упрямая и грубая, мол как со мной можно вообще сойтись. А отец с проговаривал, что я умная и хитрая.

Я думала, что убежала от прежнего времени. А вчерашний день никуда не делся, даже так далеко из какого-то шкафа полезло. Музей оказался собранием человека. Чей-то ясной поляной, чьим-то борделем. Безобразие. Хватит с меня, еще и двадцатку убила. Настроение паршивое. Зашла в продуктовый. И здесь очередь. Высокая женщина передо мной набрала пакет ветчины, колбас и сыра. Ее совсем маленькая дочь, тянула ее за подол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.